

В.К. Харченко
V.K. Kharchenko

**НАТАЛЬЯ ГРАНЦЕВА. ЧУДО О КНЯЗЕ-КРЕСТИТЕЛЕ. – СПБ.:
 ЖУРНАЛ «НЕВА», 2016. – 240 С.**

**NATALIA GRANTZEVA. WONDER ON PRINCE-KRESTITEL. – SPb.:
 PUBLISHING HOUSE «NEVA», 2016. – 240 p.**

Парадоксально, однако факт: великие имена тоже требуют своих сподвижников. Так, интереснейшие, во многом философские исследования М.М. Бахтина заставили нас по-новому взглянуть на известные романы Ф.М. Достоевского. Впрочем, речь сейчас пойдет не только и не столько об интерпретации творчества, сколько о возвращении забытого имени, не побоимся сказать – о *воскресении* забытого поэта. Приведем еще один пример. Иоганн Себастьян Бах в настоящее, весьма требовательное время занимает, согласимся, лидирующую позицию в сонме выдающихся композиторов мирового уровня. Между тем не все знают, что двести лет назад автор замечательной музыки пребывал в глубочайшем забвении, и если бы не старания другого композитора, Феликса Мендельсона, вряд ли бы мы сейчас наслаждались инвенциями и фугами, да и в музыкальных школах произведения Баха не входили бы в обязательный минимум академических концертов.

Рецензируемая книга Натальи Гранцевой [2] как раз и относится к, увы, пока еще редкому в нашей культуре феномену – возвращению достойного имени, а именно возвращению в сферу читательских интересов творчества напрочь забытого поэта Михаила Матвеевича Хераскова (1733–1807). Эта работа продолжает серию предшествующих публикаций [3, 224–243], [4].

Как и в монографии 2015 г., автор выступает здесь в двух ипостасях: и как исследователь творчества поэта каждый раз в конкретном преломлении к выбранному, весьма, кстати, объемному тексту, и как референт, популяризатор этого текста и творчества в целом. С научно-популярной литературой, в том числе, по литературоведению, дела у нас обстоят, мягко говоря, неважно. Тем более похвально, когда поэт (а Наталья Гранцева приписана к этой когорте) отдает и личное время, и пространство своих книг текстам Хераскова как акт восстановления справедливости по отношению к несправедливо забытому имени.

Здесь проявляется хорошее знание нашей читательской психологии. Даже продвинутые книголюбцы, те же филологи, погружившись в разбор поэтики и положительно ее оценив, вряд ли поспешат в библиотеки или, что проще, поспешат окунуться в Интернет в поисках самих текстов для личного с ними ознакомления. А тут все под рукой. Не верите, что хороший, достойный автор? А вы почитайте!

Наше вступление, однако, затянулось. О чем же новая книга Н.А. Гранцевой? О самом знаменитом и малоизученном произведении поэта – поэме «Владимир». Опять парадокс: уже лет двадцать, как князя-крестителя вновь почитают, открывая памятники (наш Белгород в этом плане в 1998 г. тоже «отметился» эффектным памятником, созданным скульптором Вячеславом Клыковым), тогда как выразительный художественный опус «Владимир» Хераскова до сих пор остается невостребованным. Н.А. Гранцева пишет об этом: «Даже широко отмечавшееся недавно 1000-летие со дня смерти князя-крестителя не подвигло ни одно издательство на переиздание знаменитой эпопеи» [2, 10].

Между тем Россия остается литературоцентричной страной, и Отечественную войну 1812 года мы «изучаем» не столько по истории России, сколько по роману Л.Н. Толстого «Война и мир». Незнание поэмы «Владимир», в которой художественно, а потому ярко и образно высвечен весь драматизм смены религиозных идеалов, ведет к примитивному пониманию весьма значимого события на Руси.

Разумеется, и среди историографов русской православной церкви были талантливые исследователи, понимавшие столь непростую ситуацию переосмысления великим князем религиозных установок. Митрополит Макарий (Булгаков) так освещает сомнения и метания Владимира:

«Но как Владимир мог согласиться на выслушивание, как не отверг он с первого раза предложения болгарских и затем всех прочих? Явный знак, что он уже не тверд был в своей праотческой вере, не был сердечен к ней привержен, что он *ещё прежде* внутренне в ней колебался. А между тем, каким было пламенным ревнителем отеческих верований явился сей великий князь по вступлении на престол киевский! С каким усердием и любовью ещё так недавно спешил он воздвигнуть богатейшие языческие истуканы и приносить им вместе с подданными во свидетельство благодарности даже человеческие жертвы!» [5, 242].

Благодаря христианизации Россия «из региональной европейской державы превратилась в наследницу Ромейской империи – Византии» [2, 20].

При скудости исторических свидетельств не так просто было создать убедительное художественное полотно, причем полотно богатейшее по языку и при этом удобочитаемое.

Н.А. Гранцева подробно рассматривает один из механизмов успеха в реализации замысла, а именно создание персониферы, наделение героев именами и характерами. Одного Владимира было бы явно недостаточно при противостоянии языческим богам, коих список велик: Чернобог, Ний, Хорс, Семиргл, Купало, Зничь, Услад, Лада, Полель, Посвиет, Волос, Дажьбог, Стрибог, Мокошь... В поэме появляются жрец Пламида и чародей Зломир, храбрец Добрыня и философ Кир, а еще Версона, Законест, Анастас, князь Ферид... Автору монографии для облегчения последующего знакомства читателей с текстом поэмы приходится пересказывать содержание, но этот пересказ своеобразен. Как и в других своих работах, Н.А. Гранцева (кстати, этим же приемом в романе «Лавр» смело пользуется Евгений Водолазкин) пытается осовременить академический язык традиционных интерпретаций. Отметим эти «хронемы» XXI века.

...Склонных к благородной *толерантности*; ...Демонстрирует хорошее понимание *международной обстановки*; Добрыня без проблем возвращается в русский стан; ...Киевские купцы велики в обзоре и *значительный финансовый ресурс*; *прогрессивная ориентация киевской элиты*; *стенографистки* князя Владимира не могли запечатлеть для потомков содержание *конфиденциальных бесед* киевского владыки; в византийских *спецхранах*; *внятную геополитическую картину*; окружающий его *электротат*...

Легко попенять автору за некоторую иронию, но ведь так легче читается и надежнее, цепче схватывается существо дела.

Пристально анализирует Наталья Гранцева труды Н.М. Карамзина и Д.С. Лихачева, архимандрита Августина и финского историка Х.-Г. Портана, датского писателя Адама Эленшлегера и шведского поэта Эрика Йоганна Стагнелиуса, в каждом случае выделяя только самое существенное, касающееся личности Владимира и крещения Руси. Таким образом, по существу автор книги как бы дублирует исследовательский путь самого Михаила Хераскова. Прочитав один из заключительных фрагментов монографии:

«Виртуозно работая с летописными и иносказательными образами, автор поэмы «Владимир» смог вдохнуть в талантливое предание живительный воздух поэзии и потайные смыслы подлинной истории. Возможно, потому, что сам был человеком глубоко верующим и преданным православию» [2, 80].

Непосредственно перед самим текстом поэмы «Владимир» прекрасным заключительным пассажем выступают слова Святейшего Патриарха Кирилла:

«В центре Евангельского послания – одно и самое главное слово: любовь. Любовь как основа бытия, любовь как основа личной и семейной жизни, любовь как основа жизни общественной и даже государственной» [2, 81].

Перед исследователем поэмы стояла весьма сложная задача сопряжения исторических фактов и художественного их отзеркаливания в поэме Хераскова. При этом в каждой строке, в каждой реплике исследователя сквозит глубочайшее уважением и к личности великого поэта, и к уникальному подвигу написания в общей сложности трех действительно эпических поэм, и к созданию своего особого языка. Вот на этом, языковом ландшафте мы чуть-чуть и помедлим, поскольку публикация, пусть в сокращении, поэмы «Владимир» открыла возможность восхититься мастерством Хераскова-языкотворца.

Юный Сергей Бобров, будущий математик, как-то спросил отца, читавшего вслух поэму «Садко»: почему у А.К. Толстого не *венецианский*, а *венецейский*. «Отец улыбнулся. – Ну, во-первых... чтобы это было стариннее... то есть, понимаешь, русское, потом в стихах выходит лучше... и вообще ведь это поэзия... н-ну... вообще... не так, как всегда». «Не так, как всегда» – вот это-то и было то самое, что я так живо и радостно ощущал. Только я не умел сказать» [1, 106].

Мы привыкли считать, что поэзия требует каких-либо особых включений, элементов, поэтических находок. Но вот медленное (иначе нельзя) прочтение поэмы «Владимир» Хераскова вдруг навело нас на мысль, что поэзия требует не отдельных «элементов» и не красивых «образов». Нет, поэзия требует целого, специфического, особого... языка. И с этих позиций творчество Хераскова открывает интереснейшее направление филологических изысканий, которое можно обозначить как языкотворчество, созидание идеального языка.

Мы голодаем (как правило, неосознанно) по идеальному языку – языку молитв, языку настоящей поэзии. Отсюда поиски-проборы в словотворчество и новую ритмику, в эпатажную образность и звуко-символизм. И все равно в итоге обнаруживаем «детали» – не язык. Михаилу Хераскову же удалось последовательно воплотить идею поэтического языка.

Идеал обычно и устойчиво (в этике, искусстве) ассоциируется с *прошлым*. Херасков системно берет старинные формы: грамматические, словообразовательные (а русский язык грамматически бесконечно вариателен) – и выстраивает на них текст. Мы не оговорились: поэт берет не только слова, берет формы! Например, усеченное прилагательное вместо полного: «безбожны капища». Или пишет: «отмсти» вм. «отомсти», «постыжается» вм. «стыдится». «*Но тот ли счастлив есть, не может кто любить*» – здесь уже синтаксис задействован древнейший. В своей монографии харьковский лингвист Г.А. Скоробогатова исследовала поэтические возможности современной нормативной грамматики [6]. Поэзия Михаила Хераскова демонстрирует, что эти возможности кратно увеличиваются при обращении к архаике языка. В любом случае мы явно недооцениваем экспрессию грамматических форм, а у формы есть замечательное определение, предложенное современным писателем: форма есть не что иное, как содержание в концентрированной степени.

Архаика, повторим, требует замедленного, внимчивого чтения. Однако для облегчения восприятия опытный поэт прибегает, во-первых, к смежной рифмовке (аа, бб, вв...), чередуя мужские и женские типы рифм; во-вторых, к повторам, весьма облегчающим восприятие; в-третьих, к афоризмам; в-четвертых, как уже отмечалось, к узнаваемым, поименованным, подчас двуличным героям; наконец, в-пятых, к динамике сюжета. Приведем хотя бы по одному примеру, начиная с «во-первых» и заканчивая: «в-пятых».

1. *Как искры огненны ночную тьму прешли! // То были божества, которых россы чли. // Сомкнулись тучею и стали вокруг кумира. // Поведай силы их, поведай свойства, лира!* [2, 91]. 2. *Увы! Не может ли мне в грудь проникнуть Бог? Се гордости сосуд! Се роскошей чертог!* [2, 102]. 3. *Сей крест не тягостен, тому приятен будет, // Кто к Богу прибежит, а сам себя забудет* [2, 116–117]. 4. *...Пламид, верховный жрец, при старости маститой //*

Имел коварный ум, но образ сановитый... [2, 90]. 5. Клянусь и буду тверд в ужасной сей божбе: // Я сына умерщвлю, когда он враг тебе! [2, 114].

Заслугой Натальи Гранцевой как раз и является обнаружение поэта, столь необходимого нам сейчас, с уважением к старинному слогу и ретроформам (*восшумел, дондесь, злато, доколе, воссетует, со берега, зрит, чает, пламенник, воздохнув, бледнеюща луна...*), с умением зримо и высоко писать о прошлом, с пониманием сомнений и страстей у «первых лиц» далеких-далеких эпох.

Высоко ценил Хераскова А.С. Пушкин, о чем говорится в приложении к основному тексту книги, посвящаемому разбору юношеской поэмы «Руслан и Людмила» как закодированного восхищения гением Хераскова. «Этой победой (поэмой "Руслан и Людмила") Александр Пушкин выразил глубочайшее почтение к художественному подвигу Михаила Хераскова» [2, 239]. Кстати, и нам, как ни кощунственно это прозвучит в год памяти (кончины) поэта, осторожнее следует обращаться с весьма распространенным лозунгом Аполлона Григорьева: «Пушкин – это наше всё!», который подспудно при поверхностном восприятии подчас может быть воспринят как установка на... сжатие: достаточно, мол, знать Пушкина... Нет, нет и нет! Литература такой страны, как Россия, может и должна быть многовершинной.

1. Бобров С.П. *Мальчик: Лирическая повесть*. М., 1966.
2. Гранцева Н.А. *Чудо о Князе-Крестителе*. СПб., 2016.
3. Гранцева Н.А. *Незабвенный Херасков // Нева*. 2013, № 11.
4. Гранцева Н.А. *Неизвестный рыцарь России*. СПб., 2015.
5. Митрополит Макарий (Булгаков). *История русской церкви. Книга 1*. М., 1994.
6. Скоробогатова Г.А. *Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени)*. Харьков, 2012.